

Рубцов Н. Стихи. М., 1986; Старичкова Н. Наедине с Рубцовым. Вологда, 2001; Павловский А. Время и родина в творчестве Н. Рубцова // Русская лит-ра. 1986. № 2; Коротаев В. Вступ. статья // Рубцов Н. Видение на холме: Стихи, переводы, проза, письма. М., 1990; Воспоминания о Н. Рубцове. Вологда, 1994.

А. И. Павловский

РУКАВИШНИКОВ Иван Сергеевич [3(15).5. 1877, Нижний Новгород — 9.4.1930, Москва] — поэт, прозаик, драматург.

Происходил из старообрядческого рода торговцев железом, миллионеров. В детстве много болел. Воспитывался в Нижегородском дворянском ин-те, но из-за туберкулеза после окончания 3-го класса прервал учебу для лечения в кумысолечебном заведении. Позже вернулся в ин-т, но в 1892 снова оставил. Полгода жил в Ментоне, затем в Тироле, где лечился в туберкулезных санаториях. Вернувшись, экстерном окончил гимназию, занимаясь также живописью.

Р. начал писать стихи в школьные годы. Публиковал их в газ. «Нижегородский листок». В 1898 напечатал первое прозаическое произведение — повесть **«Семя, поклеванное птицами»**, в котором рассказывалось о болезненном юноше из богатой семьи, мечтавшем о лит. славе. Повесть отчасти имела автобиографическую основу. В худож. отношении она была слабым подражанием прозе М. Альбова.

И. С. Рукавишников

В 1900–01 Р. учился в Петербургском археологическом ин-те по специальности «археология». В это время на основе принципиальных идеологических разногласий порвал с семьей, что сказалось на материальном положении Р. Он переехал на жительство в Петербург, где сблизился с лит. группой писателей-«знаньевцев», группировавшихся вокруг М. Горького. Стал печататься в сб. товарищества «Знание» и в ж. демократической и символистской ориентации («Весы», «Золотое руно», «Образование», «Нива» и др.).

В раннем поэтическом творчестве Р. был под влиянием поэтов «чистого искусства» и К. Бальмонта. Темы болезни, одиночества лирического героя, смерти — центральные в его 1-й книге **«Стихотворений»** (1901).

Воздействие лирики французских «проклятых» поэтов и «старших» символистов определило поэтику и тематику 2-й книги **«Стихотворений»** (1902). Не отрицая одаренности Р., рецензенты расценили его книгу как результат моды на декадентство. Лирический герой 3-й книги **«Стихотворений»** перешел от погружений в сатанинские бездны к ожиданию просветленной неземной любви. Усилилась сюжетность лирики, произошел переход к балладной форме. Рост поэтического мастерства Р. отметил В. Брюсов, указав, что «в его „третьей“ книге много интересных попыток: пробы свободного стиха, искания новых впечатлений в повторении слов» (Весы. 1904. № 4. С. 62). Композиционное единство, последовательность тематического развития и общность худож. оформления позволяют видеть в трех первых поэтических книгах Р. трилогию.

Р. восторженно отнесся к революции 1905, но его политические убеждения были крайне неопределенными, а стих., посвященные этой теме, были полны ходульной риторики — **«Кто за нас — иди за нами!»** (1905), **«Три знамени»** (1906) и др.

Р. оставался в русле символистских тем и поэтики и во второй половине 1900-х. Герой 4-й книги **«Стихотворений»** — поэт, одинокая личность, преодолевающая земную страсть и восходящая к надмирным ценностям. Критик А. Измайлов писал, что основным настроением Р. стало «исполненное почти непомерного пафоса заявление о своей пророческой миссии <...>». Книгу стихов Рукавишникова надо выжать. Тогда она уменьшится в объеме наполовину, но много выиграет содержательно» (Новая иллюстрация. 1907. № 8. С. 63–64). Брюсов отмечал: «Боимся, что Ив. Рукавишникову так и суждено остаться растрепанным романтиком с декадентски-

ми проповедями на устах» (Весы. 1907. № 1. С. 72).

Поэзию и прозу Р. конца 1900-х — начала 1910-х отличает интерес автора к эзотерическим темам, изощренность худож. формы. Исследование оккультной лит-ры обусловило тематику сб. рассказов **«Сны»** (1910). В нем рассказывалось об инобытиях героя в различных исторических эпохах (**«Любовники царицы»**, **«Раб»**, **«Шут»** и др.). В стилистике прозы Р. ощутимо влияние оккультных произведений В. И. Крыжановской, особенно ее романа **«Жизненный эликсир»** (2-е изд. 1910).

В начале 1910-х Р. получил наследство. Жил в имении Лазарево Нижегородской губ., в Крыму, приезжая ненадолго в Петербург и Москву. Главное произведение Р. — роман-хроника **«Проклятый род»** (ч. 1 — «Семья железного старика», ч. 2 — «Макаровичи», ч. 3 — «На путях смерти»; 1911–12). В романе Р. дал историко-мистическое осмысление судьбы своего рода. «Волжские миллионы» предстают в нем как одновременно и социальная, и инфернальная злая сила, губящая три поколения рода. Большая часть героев имели реальные прототипы. Во многом автобиографичен образ родового отщепенца — художника-декадента Виктора. Сначала Р. не отрицал биографического подтекста своего произведения: «Если вам что-либо говорит заглавие и вы знаете мою биографию, <...> в этом романе будет много места отведено личному, много строк из моей жизни» (Регини>н Вас. Откровения «молодых». УИ. С. Рукавишников // Петербургская газ. 1908. № 211. 3 авг. С. 2). Появление 1-й части романа было воспринято на родине писателя как памфлет против клана Р. В открытом письме в редакцию «Нижегородского листка» Р. выступил против подобной трактовки его произведения: «Я роман мой „Проклятый род“ автобиографическим не назову. Никого портретно изобразить не намеревался, имея же цели исключительно художественные» (1911. 25 янв.). Но реально в основе фабулы романа лежала преобразованная, но подлинная история его семьи (см.: Родословная схема Рукавишниковых // РГАЛИ. Ф. 1147. Оп. 2. Ед. хр. 7). Роман Р. был попыткой создания эпического произведения средствами лирической прозы, что обусловило его худож. недостатки. С др. стороны, личные переживания автора, лежащие в основе романа, способствовали глубине психологизма произведения. Критики высоко оценили роман как новое слово в развитии жанра. Вл. Краинфельд писал, что, несмотря на все недоче-

ты, это — «художественное произведение значительной ценности, — произведение, которое по силе изобразительности и широте захвата могло бы в нашей художественной литературе последних лет занять одно из первых мест» (Совр. мир. 1912. № 9. С. 275).

Дальнейшие прозаические произведения Р. (роман **«Аркадьевка»**, сб. рассказов **«Близкое и далекое»**, оба — 1914) были значительно слабее в худож. плане. Так, о рассказах Р. критик Ф. Д. Крюков писал, что все это «в конце концов — скучно, несмотря на словесные выверты, когда эта новизна стиля перестает быть новизной и в монотонной повторяемости своих фокусов обнажает свое убожество» (РБ. 1914. № 8. С. 306–307). В поэзии Р. продолжил стиховые эксперименты. В книге **«Сто лепестков цветка любви. Песни женской души»** (1916) он пытался создать сб. «женской лирики», героиня которого проходит духовный путь от девических грез до страстей и разочарований зрелой женщины. С середины 1910-х Р. много занимался стиховой формой «триолета» (книга **«Триолеты любви и вечности»**, 1917).

Февральскую революцию 1917 Р. встретил в имении Лазарево. В 1917–18 работал в Нижегородском наробразе, организовывал худож. и исторический музей, разместившиеся в национализированном особняке Р. (история дома — важный худож. мотив романа **«Проклятый род»**). Переехал в Москву, в 1918–21 работал в Наркомпросе, заведовал Дворцом искусств. В 1921–23 был преподавателем, заведующим учебной частью и заведующим библиотекой Высшего лит.-худож. ин-та. Р. был членом Всероссийского СП, правления Всероссийского Союза поэтов, объединения «Звено», Псковского археологического об-ва.

В 1920-е Р. много сил отдавал стиховедческим исследованиям. Был автором ряда статей в «Словаре лит. терминов» (Лит. энциклопедия. М.; Л., 1925. Т. 2). Разрабатывал фольклорные поэтические формы — т. н. «напевный стих» (**«Сказ скомороший про Степана Разина, про Мухомора князя, про дочку его Катерину, да еще про стремянного Васюту. В 6 песнях с присказкой и концовкой. Стих напевный»**, 1925; и др.). 22 нояб. 1926 в Малом театре торжественно отмечалось 30-летие лит. и общественной деятельности Р.

В истории русской лит-ры начала XX в. Р. остался как автор романа **«Проклятый род»**, в котором, подобно **«Будденброкам»** Т. Ман-

на или «Саге о Форсайтах» Д. Голсуорси, с эпической широтой была показана история взлета и падения рода русских капиталистов.

Соч.: Семя, поклеванное птицами. М., 1896; Стихотворения. Кн. 1–3. СПб., 1901–02, 1904; Сны. СПб., 1910; Проклятый род. Ч. 1–3. М.; СПб., 1911–1912; Аркадьевка. М., 1914; Сто лепестков цветка любви. Песни женской души. М., 1916; Сказка про попа Феудла да про звонаря Ядула. Стих напевный. М., 1925.

Лит.: Шенгели Г. О «напевном стихе»; Малишевский М. Несколько слов о «напевном стихе» // Альм. артели писателей «Круг». М.; Л., 1924. Т. III. С. 129–132, 133–138; Муратова К. Д. Роман 1910-х годов. Семейные хроники [О романе «Проклятый род»] // Судьбы русского реализма начала XX в. Л., 1972. С. 123–126; Грачева А. М. Семейные хроники начала XX века [О романе «Проклятый род»] // Русская лит.-ра. 1982. № 1. С. 64–75; Переписка Г. И. Чулкова с Блоком / вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова [О стихотворной переписке Рукавишников и Блока] // ЛН. М., 1987. Т. 92. Кн. 4. С. 406–407.

А. М. Грачева

РУЧЬЁВ Борис Александрович (настоящая фамилия Кривошеков; псевдонимы: Б. В.; Б. Рез; Б. Руг.; К. Васильев; Обручев; С. Обручев) [2(15).6.1913, слобода Еткульская (под Челябинском); по др. данным в г. Троицке Оренбургской губ.— 24.10.1973, Магнитогорск] — поэт.

Происходил из интеллигентной семьи, отец был школьным учителем, известным фольклористом и этнографом. Р. вырос в деревне. С детства писал стихи. Первые произведения опубликованы в газ. «Красный Курган» (1928). После окончания школы приехал на строительство Магнитки. Работал бе-

Б. А. Ручьёв

тонщиком, плотником. В Магнитогорске при редакции газ. «Магнитогорский рабочий» существовали лит. группы «Буксир» и «На смену», а также лит. ж. «Штурм» и лит. газ. Там начинали свой путь А. Авдеенко (автор романа «Я люблю») и автобиографической повести «Отлучение», где показаны негативные стороны общественно-лит. жизни 1930-х), поэты К. Мурзиди, Я. Вохменцев, К. Реут, В. Губарев, среди прозаиков пользовались авторитетом П. Бажов, Аграфена Корованова и др. Словом, молодой Р. попал в достаточно обширную литературную семью. В своем большинстве это были рабочие и выходцы из деревень. Р. в душе считал себя деревенским. Город он полагал своей «второй родиной».

Свою первую книгу Р. назвал «**Вторая родина**» (1933, издана в Свердловске и в том же году в Москве). В ней чувствуется свой голос, пафос первых пятилеток, искреннее упоение успехами строительства социализма. Тогдашние стихи Р. сейчас читаются как факты трудной, а в восприятии поэта и мн. его сверстников романтической биографии. Вместе с тем, при всей своей репортажности и документальности, они лиричны, напевны и задушевные — в них иногда слышны, особенно когда речь идет о рабочих, пришедших на стройку из деревень, есенинские ноты.

В 1934 Р. принимал участие в работе I Всесоюзного съезда советских писателей. После выхода первой книги он стал испытывать нечто вроде творческого кризиса: поэт почувствовал ограниченность словаря, почерпнутого из обыденной речи строителей, трафаретность самих романтических оборотов. Но кризис длился недолго. Циклы «**Девушки-подружки**» и «**Соловьиная пора**» — лучшее из написанного Р. в 1930-е. Народная поэтика, отчасти густушечный ритм, жизнерадостность — вот приметы его новых стихов.

Р. заочно учится в Лит. ин-те им. М. Горького. К концу 1930-х Р. уже сформировался как оригинальный поэт. Но в 1937 по ложному доносу он был арестован и сослан на Колыму. На некоторое время, придавленный бедой и несправедливостью, стих его замолчал. Когда началась война, Р. стал рваться на фронт. Ему отказали. И вот тут-то, прикоснувшись к общенародному горю, вспикели стихи. «**Стихи о далеких битвах**» — первые из написанных на Колыме, в февр. 1942. Он писал много — и лирических стихов, и лирическую публицистику, пока, наконец, не перешел к крупному жанру, составившему впоследствии его подлинную и заслуженную